На великом распутье

Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы

Н.П. Макаров

Данная статья, опубликованная в середине 1920-х годов журнале «Крестьянский интернационал» (1925. № 1-2. С. 61-75), принадлежит перу выдающегося российского аграрника, видного представителя организационно-производственной школы Николая Павловича Макарова (1887–1980). Эта замечательная публикация странным образом отсутствовала в библиографических списках макаровских работ, хотя ее значение представляется, безусловно, важным для понимания вопросов эволюции мирового сельского хозяйства XX века. При прочтении этой статьи становится также ясным, что ее идеи во второй половине 1920-х годов развивались в работах и других ученых организационно-производственной школы — А.В. Чаянова, Г.С. Студенского, А.А. Рыбникова. Из названия статьи, а также предуведомления к ней следует, что автор стремится дать аналитическую картину основных направлений всемирной аграрной эволюции 1920-х годов, а также ее возможных альтернативных направлений на примерах основных четырех макрорегионов мирового сельского хозяйства: США, Китая, Западной Европы и России. В своей статье автор прежде всего уделяет внимание двум так называемым «полюсам» аграрного развития — США и Китаю. Макаров доказывает, что «старый» трудоинтенсивный аграрный Китай и «молодые» капиталоинтенсивные аграрные Соединенные Штаты являют по отношению друг к другу полную противоположность. Именно меж этими полюсами располагаются пути сельскохозяйственной эволюции большинства остальных стран мира, включая Европу и Россию. В заключение Макаров стремится дать предварительный диагноз наступающему моменту великого аграрного распутья для мирового сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, США, Китай, Западная Европа, Россия, аграрная эволюция, крестьяне, фермеры

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-6-21

Публикацию подготовил Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

I

Безграничное разнообразие мира обобщающая мысль человека разлагает на типы и схемы. Сельское хозяйство разных стран земного шара бесконечно разнообразно для тех, кто ищет особенностей для каждой страны и каждой местности. Но это же разнообразие может быть схематизировано, как только наблюдатель захочет охватить его общим взглядом. Для этого наблюдатель пользуется масштабом для соизмерения, общим для всех стран. Таким масштабом может служить понятие системы сельского хозяйства как ценностного соотношения трех основных факторов сельского хозяйства: *труда*, *капитала* и *земли*. В их соотношении кроется, как в краткой формуле, ключ к пониманию многих сторон и организации сельского хозяйства и социальных отношений.

Каждая страна при всем своем внутреннем и районном разнообразии имеет *свой стиль*, свой *основной тон*, свою систему сельского хозяйства. Развертывание новых районов сельского хозяйства в стране, переход к новым системам и т. п. — все это не происходит свободно, независимо от начальных исходных районов и систем сельского хозяйства страны, а является генетически связанным. В этом смысле мы и говорим о *едином стиле* сельского хозяйства страны, несмотря на все историческое или районное его разнообразие.

Упрощая, схематизируя наше представление о системах сельского хозяйства отдельных стран мира и их эволюции, мы можем установить два полюса: Китай, как страна наиболее интенсивных систем сельского хозяйства, росла до крайнего напряжения трудоинтенсивности, а затраты капитала в сельском хозяйстве оставались в самых скромных размерах, подчас сводясь на нет; на другом полюсе стоят Северо-Американские Соединенные Штаты — как страна, успевшая уже пройти немалый путь (кажущийся детским с точки зрения «старика»-Китая), сохраняя до сих пор расширенное землепользование, беспрерывно увеличивая капиталоинтенсивность хозяйства; рост трудоинтенсивности, во всяком случае, отстает от роста капиталоинтенсивности. Только еще более молодые страны: Канада, Новая Зеландия, Аргентина стоят еще «полюснее», но молодость и незаконченность даже первого этапа их истории, как стран сельскохозяйственных, делает нецелесообразным противопоставлять их Китаю. Между этими полюсами как бы располагается все остальное разнообразие мира.

II

История сельского хозяйства Китая насчитывает свыше 4600 лет. Это страна трагических переживаний. Над всей ее историей тяготеет упорная борьба с природой, дающей влагу то в из-

бытке, то в недостатке. Государство берет на себя руководство этой борьбой. Эта предпосылка крепко связывает экономическую жизнь страны с ее политической жизнью. Можно насчитать не менее 8 глубоких кризисов в истории этой страны, когда миллионы смертей делали отметку о приходе очередного кризиса. Внешне это сопровождалось предварительным сгущением населения, переобремененностью земли трудом при данной системе хозяйства, образованием тупика экономического, сопровождавшегося обычно каким-либо политическим кризисом, приводившим к еще более обостренному экономическому положению с разрушением системы государственных и частных хозяйств, с неурожаями и голодом, с вымиранием миллионов, бегством, расселением на новых местах части населения и с постепенным образованием того же кризиса сначала. Некоторые из таких тяжелых периодов вынуждали нацию делать те продвижения в сельскохозяйственной технике, которые спустя тысячелетия сделала и Западная Европа (азотсобирающие культуры, севооборот, межгрядковые культуры и т. п. к 600 г. до Р.Х.). Несмотря на то что в периоды острых кризисов население гибло десятками миллионов, исторические памятники Китая (правда, весьма спорные для последних эпох) рисуют нам следующую картину населения:

1736 г.	60 млн населения
1750 г.	100
1792 г.	300
1812 г.	352
1910 г.	342
1922 г.	427

Гражданские войны, наводнения, неурожаи и до сих пор вносят свои пертурбации в движение населения страны этой старинейшей сохранившейся культуры.

Природа, взятая в руки человека, позволяла особенно напряженное сгущение населения. Запаса тепла и влаги при рациональном их использовании достаточно для сбора 2–3 урожаев в течение одного года. Это еще более толкало к уплотнению населения. В результате всего в стране плотность населения по провинциям колеблется от 0,18 дес. до 1,21 дес. На душу; делая поправку на не-сельскохозяйственное население, получим плотность сельскохозяйственного населения по провинциям от 0,22 дес. до 1,32 дес. на душу. Наибольшего сгущения сельскохозяйственное население достигает не в чисто рисовых провинциях, как принято думать, а в районах индиго, чая, шелка; рисовые поля преобладают в переходных районах. В этих районах на одно хозяйство из 8–10

1. Периоды около 1820 и 1850 гг. характеризуются резкими неурожаями, катастрофическими наводнениями, массовым вымиранием.

человек приходится 1/2–1 дес. земли. При распространенности двух урожаев — земельное обеспечение меньше.

Интенсивность хозяйства и крайняя сгущенность населения создали крайне высокую цену на землю. Цена в 500–800 рублей за десятину до войны могла считаться умеренной ценой на обычные рисовые земли; лучшие земли, как, например, апельсиновые, поднимались до 3500 руб. и более за десятину. Такое положение толкало хозяина-китайца к распашке всякого, даже самого малого клочка земли, щадя лишь могилы предков. Не менее 1/3 земель можно считать занятыми 2–3 урожаями в год, чтобы лучше их использовать. Грядковая культура, даже в отношении зерновых, стала основной системой земледелия. Пользование межгрядковыми культурами, подсев одних культур в другие для экономии во времени и т. п., все это — способы возможно большего использования одной и той же земельной площади, имеющейся у хозяина в очень ограниченном количестве.

При такой напряженной эксплуатации земли естественно, что *проблема восстановления плодородия почвы становится центральной и основной проблемой сельского хозяйства Китая*.

История выработала целую серию методов восстановления.

Вот их краткий перечень.

Рациональный севооборот с участием азотсобирающих культур и корнеклубнеплодов, основной принцип плодосмена, как метода восстановления плодородия почвы, введен был задолго до современной эры. Земельное удобрение, затаптываемое или запахиваемое под посевы риса и других культур, является общераспространенным. Морские водоросли и особенно грязь со дна каналов выносятся или вывозятся и разбрасываются на поля до 1000–2000 пудов на 1 дес. (на 2 года). В лесах и на горах накапливаются травы и идут на изготовление компостов для последующего удобрения полей; в эти компосты попадают и всевозможные отбросы по хозяйству. Человеческий кал и моча имеют в этом отношении большое значение и во всяком случае большее, чем навозное удобрение, т.к. плотность людей выше плотности животных; обращение же у китайского хозяина с человеческими экскрементами самое бережное. Ввиду малого значения скотоводства жмыхи используются как непосредственное удобрительное вещество. Наконец, перенос и обмен почвы с одних участков на другие, например, с рисовых участков на тутовые, и наоборот, — является высокоинтенсивным методом восстановления плодородия почвы в более интенсивных районах сельского хозяйства Китая. Поскольку плодородие почвы зависит от запаса влаги в почве или от своевременной передачи ее в почву, китайское хозяйство решает этот вопрос путем соответствующего подбора растений, грядковой системы, террасирования полей, прикрытия полей соломой и др. материалами, задерживающими влагу. Но при двух или трех урожаях за год и при бездождьи в летний сезон хозяйство необходимо переходит к искусственно-

му орошению полей, являющемуся основным приемом поддержания плодородия в Китае.

Стоит вдуматься в то, сколько труда требует каждый из отмеченных методов восстановления плодородия почвы, чтобы понять всю степень интенсивности китайских систем сельского хозяйства. Положение усугубляется еще и тем, что хозяйство сосредоточивается на возможно более интенсивных почвенных культурах и отраслях сельского хозяйства (рис, индиго, хлопчатник, чай и т. п.).

Подсчитывая затраты сельскохозяйственного труда, мы получаем до 320 дней за год на 1 дес. для культуры риса, 215 для пшеницы, 405 для хлопчатника, 595 для табака и т. п. Ясно, что при этом в хозяйстве господствуют ручные работы, так как даже разглаживание рисового поля или распределение компоста делается чаще рукой (для большей тщательности в выполнении работы).

При такой трудоинтенсивности капиталоинтенсивность хозяйства чрезвычайно низка. Заступ, лопата, плуг, в лучшем случае буйвол или осел и свинья — вот главные виды мертвого и живого инвентаря. Постройки можно исчислять ценностью в пределах 30 рублей на 1 десятину. Пользуясь японскими данными для аналогичных условий, мы получаем при анализе издержек производства для культуры риса 91% расходов (если не считать аренды) на оплату труда и удобрений, являющихся продуктом труда самого китайского хозяйства.

Естественно, что так организованное хозяйство дает постоянные и высокие урожая (200–250 пудов с одной десятины пшеницы или риса); производительность единицы земельной площади бывает исключительно высока, особенно при подборе более интенсивных культур. Но учитывая крайнюю скученность населения и массу затраченного труда, мы получаем чрезвычайно малый доход хозяина и в расчете на одно хозяйство, и в расчете на одного рабочего. Можно считать, что в среднем на одно хозяйство получается 80–90 рублей дохода (при 1–2 десятинах интенсивного хозяйства с не менее чем двумя урожаями за год); это дает доход на 1 душу сельского населения в пределах 15–18 рублей. Какие бы индексы товарных цен мы ни приводили, все равно мы будем иметь дело с крайне бедственным положением сельского хозяйства. Не забудем еще раз оговориться о существующих районных отклонениях, а также и о том, что исходный цифровой материал крайне отрывочен и случаен, и в руках каждого исследователя будет давать несколько свою картину; но существо дела должно будет оставаться тем же: *крайняя трудоинтенсивность раздробленного хозяйства, организовавшегося под давлением тысячелетиями накапливающегося населения при совершенном почти отсутствии капиталоинтенсификации хозяйства, давала низкую производительность труда и полунищенский доход хозяйству.*

Ясно, что говорить о развитии капиталистических отношений в такой сельскохозяйственной среде не приходится. Капитал, организующий хозяйство, отшатнулся от этой среды. Остались лишь хищнические отношения ростовщичества, скупки, аренды. И без того глубокий хозяйственный кризис лишь еще больше углубляется этими отношениями.

В свое время капитализм не «оплодотворил» народного хозяйства Китая и не дал ему выхода из создавшегося тупика в эволюции сельского хозяйства. Лишь за самые последние десятилетия капитализм, в его империалистической политике, пытался войти и в эту страну. Входя, он проделывал это в стиле не менее сильном, чем первые страницы из истории индустриального капитализма в Англии или Франции. Представители капиталистических стран сами приходят в ужас, видя работу своего капитала в этой стране, построенную на самой жуткой эксплоатации детского труда на капиталистических фабриках, создаваемых иностранным капиталом в этой стране. Чем глубже был кризис и тупик в эволюции сельского хозяйства этой страны, тем труднее и болезненнее будут всякие попытки международного капитала «оплодотворить» народное хозяйство Китая. Перед такой тяжелой перспективой стоит дальнейшая эволюция этой страны.

III

Яркое солнце, избыток тепла, просторы молодой жизнерадостной страны — вот первые впечатления от Соединенных Штатов. Молодость, стремительность, напряженность в осознании и переживании своих интересов, переходящая иногда в организованную классовую борьбу фермерства за свои права, — так характерны для этой страны. «Наше фермерство — это лучшая часть нашей нации», — сказал автору один американец.

Сельскому хозяйству Соединенных Штатов насчитывается 300 лет с небольшим (с 1607 г.); за это время организовавшись, оно кормит свыше 100 млн человек в Соединенных Штатах и много миллионов вне страны путем экспорта. Свыше 50% жителей страны уже живет в городах. Весь стиль этой краткой истории *полюсно* иной.

Население страны составлялось не путем медленного и постепенного размножения и роста, а путем переселения из Европы отборного состава здоровых, энергичных, волевых людей. Пришельцы принесли из Западной Европы культуру, знание, технику; за ними быстро стали приливать и европейские капиталы — сначала торговые, затем индустриальные. Попав на простор новой земли, население легко и быстро размножалось. Приток переселенцев не прекращался (до самого последнего времени, когда путем искусственных мер он сжат и изменен в своем составе), изменив только направле-

ние: ранее переселенцы осаждались преимущественно в сельском хозяйстве, теперь преимущественно в городе.

Сельское хозяйство этой страны знало несколько кризисов сбыта сельскохозяйственных товаров, но краткосрочных; преимущественно же оно имело постоянную конъюнктуру для сельскохозяйственных продуктов. После Великой французской революции (1789) начинается серия войн в Европе, создается мировая дороговизна, продолжавшаяся до 50–60-х годов XIX века. Далее начинается период западноевропейского индустриального города на почве развития капитализма в Европе. Все это постоянно обеспечивало выгодный рывок американскому хлебу за границей. В это время подрастает свой американский город, с 90-х годов становящийся все более важным рынком сбыта для продуктов сельского хозяйства страны. Теперь считают основную первую колонизацию страны и занятие новых земель законченными; страна отдала свыше половины своего населения индустриальному городу; закончен целый период в истории страны; она перестала быть в своей основе страной сельскохозяйственной, сохранив и развив за это время сильное, наполненное капиталами сельское хозяйство.

Развиваясь в таких исторических условиях, сельское хозяйство Соединенных Штатов проникнуто одним основным типом: *экономией труда* и стремлением к *подъему его производительности*. Нараставшее в стране население растекалось по новым землям; запас земли как бы соответствовал притоку и приросту населения. Зато капиталоинтенсивность хозяйства статистически увеличивалась, так как этим путем достигалась экономия в труде, этом наиболее дорогом факторе сельскохозяйственного производства новой страны.

На 100 акров (т.е. на 37 дес.) сельскохозяйственной площади

Годы	Занято в сельском хозяйстве душ обоего пола	Капитала в долларах
1870	1,44	367
1890	1,38	450
1900	1,24	443
1910	1,44	700
1920	1,12	1398

Если хозяину нужна была экономия в труде, то он шел на крупные упряжки лошадей в 4–5 и более лошадей, так же как в Новое время из этих же мотивов хозяйства обратились к тракторам. На степных просторах, до введения механического двигателя, из-за этого упряжки в 30–40 лошадей при одной жатке были системой организации упряжной силы, экономившей затраты чело-

веческого труда. При таких условиях неудивительно, что на 1 десятину под пшеницей требуется за год 2–5 дней труда, кукурузы 4–8 дней, картофеля 15–30, хлопчатника — 15–40 и табака — 50–100 дней. Важнейшая часть работ по отдельным культурам машинизирована, затраты на оплату труда составляют 15–20% в составе расходов по зерновым культурам и 30–40% по интенсивным культурам.

Подбирая отрасли и культуры, хозяин стремится путем технической рационализации и затрат капитала достичь наибольшей экономии и производительности труда. В результате этого труд перегружен, переобременен капиталом; на одного работника, занятого в сельском хозяйстве страны, приходится до 1000 рублей капитала в орудиях и машинах и 1500 рублей в скоте.

К земле и ее плодородию у хозяина отношение как к средству той же экономии и подъема производительности труда. Это сказывается во всем. В хозяйствах остается большая площадь под кормовыми угодьями (выгоны и выкосы), в составе посевов большое место остается за сеяными травами и т. п., потому что это — пути минимальных затрат труда на земельную площадь с довольно высокой оплатой результатами этого труда. Плодородие земли в большей части страны еще не восстанавливается, а растрачивается. Там же, где уже взят путь к его восстановлению, это — путь через севооборот с большим посевом трав, путь разброски навозного удобрения (машинным способом) и применения химических удобрений (уже к 1910 г. захватывающих свыше 1/4 всех сельских хозяйств страны). Интенсивность обработки, также учитывающей восстановление плодородия, доводится до пределов его экономической выгодности. Поэтому страна, например, в экстенсивных зерновых районах придерживается умеренных урожаев, несмотря на то что методы получения повышенного, но более дорогого урожая и опытным станциям и хозяйствам известны. Все это ведет к высокой технике и капиталоинтенсивности хозяйства, а в результате и к высокой производительности труда в сельском хозяйстве. В результате такой эволюции производительность труда и земли возрастает, тогда как производительность затрат капитала понижается. Так, сопоставляя валовую продукцию с затратами основных факторов производства, мы получаем следующее.

За 50 лет с 1870 года по 1920 год валовая сельскохозяйственная продукция в расчете:

— на 1 сельскохозяйственного работника увеличилась на 340%;

— на 1 акр сельскохозяйственной площади увеличилась на 210%;

— на 100 долларов, вложенных в орудия, машины и скот, понизилась на 5%.

Обращая внимание не на абсолютные величины, %% (т.к. цены не индексированы по одному уровню), а на *соотношение* %% между собой, мы видим, что впереди всего был рост производительности труда, затем рост производительности земли. Эффективность

затрат капитала понижалась. Доход с хозяйства довольно высок. В среднем по стране накануне мировой войны (1913–1914 гг.) доход на 1 хозяйство исчислялся в 1594 рубля, из которых 888 рублей можно было отнести на оплату труда хозяина и его семьи, а 706 за счет дохода от собственности. Последующими сопоставлениями мы взвесим величину и значение этого дохода. Пока же укажем, что для среднего хозяйства страны этот доход не мал по своей величине.

Высокая производительность труда в американском сельском хозяйстве не только получена в результате высокой капиталоинтенсивности, но и сама сделала это хозяйство довольно привлекательным для капитала. Но так как индустриальная, торговая и банковая среда представляет еще более интересную сферу для размещения капитала, то он не устремляется особенно энергично в сельское хозяйство. Сравнительно пониженная оплата капитала сельским хозяйством при сложившихся исторических условиях мешает его вхождению в эту сферу производственных отношений.

Поэтому в Соединенных Штатах в целом мы не получаем ни настоящего капиталистического сельского хозяйства, ни потребительски-трудового хозяйства. Это своеобразное сочетание элементов трудового и капиталистического хозяйства делает его высоко предпринимательским хозяйством, в котором на 1 своего рабочего приходится в среднем от 2/3 до 1 наемного рабочего.

Годы	Сельскохозяйственное население в стране в млн		
	Наемные рабочие	Фермеры-хозяева	Всего
1909	6,0	6,36	12,36
1919	4,2	6,45	10,65

Усиленная механизация сельскохозяйственного труда за последний период (1909–1919 гг.), расширение индустриальности за годы мировой войны — повели к сокращению числа наемных рабочих страны при некотором увеличении фермерского населения за этот период. Доля сельскохозяйственного населения страны убавилась, тогда как производительность сельского хозяйства возросла: одна зерновая продукция возросла с 114 млн тонн (1907–1911 гг.) до 134 млн тонн (1917–1921 гг.).

Так, в сочетании с блестящим развитием капиталистического города и мирового капиталистического хозяйства, сельское хозяйство Соединенных Штатов прошло уже немалый этап своей эволюции, повышая производительность труда, удерживая сельское хозяйство в промежуточных социальных формах, создавая под ногами фермерства ту материальную базу, благодаря которой это фермерство не спускается до положения париев.

Но пройденный путь уже бросил американское сельское хозяйство в пучину трудных социальных вопросов: в стране безостановочно растет процент фермеров-арендаторов (38% к 1920 г.), так же как благодаря высокой капиталоинтенсивности хозяйства становится все большим % заложенных хозяйств (37% к 1920 г.). В арендных и земельно-банковых отношениях кроются те трудные вопросы социальных отношений американской деревни, которые все больше привлекают к себе внимание страны, с все большей тревогой задумывающейся над вопросом: куда приведет этот путь эволюции сельского хозяйства?

IV

Между полюсным состоянием сельского хозяйства Китая и Соединенных Штатов умещается все разнообразие сельскохозяйственной эволюции других стран мира. В частности, и русское сельское хозяйство в своей эволюции размещается где-то между этими двумя полюсами. Вследствие разнообразия в своих районах, в одной его части русское хозяйство является хозяйством более старым, более трудоинтенсивным, размельченным и т. п.; в другой и большей его части, особенно в восточной и южной (в сторону от центрально-земледельческого района), мы имеем дело с еще молодым сельским хозяйством, даже не решившим еще окончательно, по какому пути идти. Тут распутье. Выбор еще предстоит.

Обращаясь к стране в целом, мы легко можем соизмерить ее состояние в отношении позиций Китая и Соединенных Штатов.

Наименование	Китай[2]	Россия (дореволюционного периода)	США
Земля			
1 десятина земли по ценности эквивалента:			
дням сельскохозяйственного труда	2160–3240	280–56	103
числу голов рабочего скота	8–12	13,3	1,3
числу местных плугов	125 200	10–17	9,5

2. Средние величины для Китая высчитаны по отрывочным данным разных исследований, для России — по районным данным дореволюционного времени, по США — в средних итогах для страны в целом.

Наименование	Китай	Россия (дореволюционного периода)	США
Капитал			
1 голова рабочего скота по ценности эквивалента:			
дням сельскохозяйственного труда	270	48–89	79
числу плугов	16	8–5	7
Продукты и факторы производства			
Требуется пудов пшеницы для эквивалентности:			
1 десятине	750	42–245	218
1 голове рабочего скота	75	40–70	161
1 плугу	4,6	6–16	23
1 рабочему дню	0,2–0,3	0,6–1,2	4,2
Продукция			
На 1 пуд пшеницы затрата дней труда за год	1,42	0,48–0,26	0,07
Доходы			
Стоимость харчей % от заработной платы	66	33–26	23
На 1 рубль заработной платы валовой приход от продуктов	2,65	3,0–3,8	7,6

Внимательное чтение этой таблицы (являющейся лишь предварительным итогом нашего анализа) вскрывает интересные сравнительные соотношения в организации сельского хозяйства сравниваемых стран.

Труд человека обесценен в Китае в отношении к ценности земли, и наоборот, высоко стоит в Соединенных Штатах: в Китае за 1 десятину надо заплатить 3000 рабочих дней, тогда как в Соединенных Штатах 103 дня. В старой России соотношения были ближе к Соединенным Штатам, чем к Китаю. В отношении сравнительной ценности капитала и земли тенденция такая же, только с меньшим количественным размахом; за 1 десятину в Китае можно купить 8–12 голов рабочего скота, тогда как в Соединенных Штатах всего 1,3 головы; русские соотношения ближе к американским, чем

к китайским: здесь земля не ценится так высоко, как другие средства производства. Но сопоставляя ценность труда и средств производства, мы видим, что в Китае на покупку одной головы рабочего скота потребуется 270 дней труда, тогда как в Соединенных Штатах 79. Относительно средств производства в Китае труд обесценен. Русские соотношения ближе к Соединенным Штатам.

Таково было сравнительное соотношение рыночной ценности основных факторов производства, ставящее русское сельское хозяйство между этими полюсами и держащее его еще довольно далеко от китайского типа сочетаний.

Условия всего народного хозяйства в целом вместе с соотношением основных факторов производства определяют собою и соотношение цен на продукты сельского хозяйства с ценами на факторы производства; в свою очередь, каждый отдельный хозяин берет эти соотношения как готовые и руководствуется ими при построении и организации своего хозяйства.

В Китае за 1 десятину надо уплатить 750 пудов пшеницы, а в Соединенных Штатах — 218; в старой России 1 десятина стоила меньше 100 пудов пшеницы в среднем. Эти соотношения благоприятствовали интенсификации сельского хозяйства не только в Китае, но и в Соединенных Штатах. Таких условий было меньше в России.

Зато соотношение ценности труда и продукта в старой России было в 3–4 раза более выгодным для труда по сравнению с Китаем, а в Соединенных Штатах в 4–7 раз выгоднее по сравнению с Россией. Эти соотношения и заставляли отдельных хозяев разных стран так глубоко по-разному организовывать свое хозяйство со всеми проистекавшими из этого результатами. В результате физическая производительность русского сельскохозяйственного рабочего дня в земледелии выше в 3–6 раз китайского, а американского сельскохозяйственного рабочего дня в 4–7 раз выше русского.

Разница в *физической производительности*, как видим, колоссальна. Но если эти различия мы рассмотрим под углом зрения ценностных соотношений, т.е. продукцию в ценностных величинах сопоставим с затратами труда в ценностных величинах, то хотя 1 рубль, затраченный на заработную плату сельскохозяйственного рабочего, в Китае будет менее оплачен валовым приходом, чем в России и в Соединенных Штатах, но разница будет уже в значительно меньшей степени. В задачу нашей статьи не входит выяснить сравнительное значение использования натуралистического и ценностного измерителя дохода и производительности труда; получаемое различие целиком объясняется всем очерченным различием народно-хозяйственного строя каждой из стран.

Как один из результатов всех этих соотношений является та доля чистой заработной платы сельскохозяйственного рабочего, ко-

торая идет на покупку его харчей. В Китае 2/3 заработной платы рабочий вынужден проедать. При всей скудости его питания заработная плата так низка, что подавляющая ее часть уходит на самое плохое и скромное питание. В результате сельские хозяева — парии. В Соединенных Штатах менее 1/4 заработной платы сельскохозяйственного рабочего дня уходит на питание. Положение сельского населения совершенно иное. В старой России доля харчей в чистой заработной плате была от 1/4 до 1/3. Производительность сельскохозяйственного труда, пройдя через всю систему организации хозяйства и через систему социальных и классовых отношений, отражается на высоте дохода работника в сельском хозяйстве, устанавливая в конечном итоге и все его общественное положение как класса или социальной группы.

Старая Россия накануне революции стояла на этом великом распутьи. Старые социальные сословные отношения, хотя бы и в виде остатков земельных отношений, заставляли сельского хозяина ставить свой труд в невыгодное отношение к земле; капитал был в неблагоприятном отношении с трудом; рыночные расценки сельскохозяйственных продуктов лишь в последние два десятилетия перед революцией, с форсированным развитием отдельных ветвей капитализма в России, стали приходить в более благоприятные соотношения с факторами производства для развития интенсивности. Но выбор не был еще окончательно сделан.

Некоторые географические сопоставления говорят нам об уклоне в сторону трудоинтенсификации с малым ростом капиталоинтенсивности и раздроблением хозяйства. В результате этого растет производительность земли, но падает оплата труда валовым доходом от сельского хозяйства (диаграмма 1).

Нас может утешать лишь то, что не всюду эти соотношения встречаются, а главное, что приведенная диаграмма построена на *географических* сопоставлениях. Вероятно, в отдельных случаях и районах начата перестройка, и интенсификация могла идти и пошла более благоприятным для нас путем. Так, по крайней мере, хочется верить. Несмотря на разрушение, пронесшееся над сельским хозяйством СССР в связи с империалистической и гражданской войной и революцией, в быстро восстанавливающейся деревне пробуждаются такие новые силы и искания, которые позволяют с большой надеждой смотреть на выбор пути в этом распутьи.

Если взять Южную Германию с ее однодесятинными хозяйствами или Чехию, Моравию, Бельгию, то мы встретим и там высокую интенсивность сельского хозяйства, стоящего далеко впереди русского, но хозяйства с относительно пониженной производительностью труда. Сельское хозяйство отдельных мест Западной Европы силится выскочить из того русла, идя по которому оно попадает на путь Китая. Швейцария, Дания, отчасти Франция имеют также места и с таким попытками. Основное и характерное для них — это

Диаграмма 1. **По данным 1916 г. для южных губерний России**

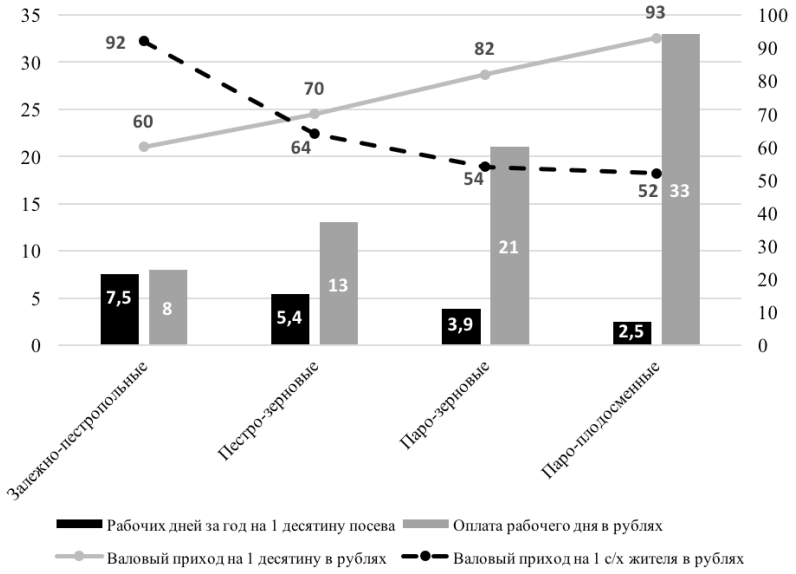
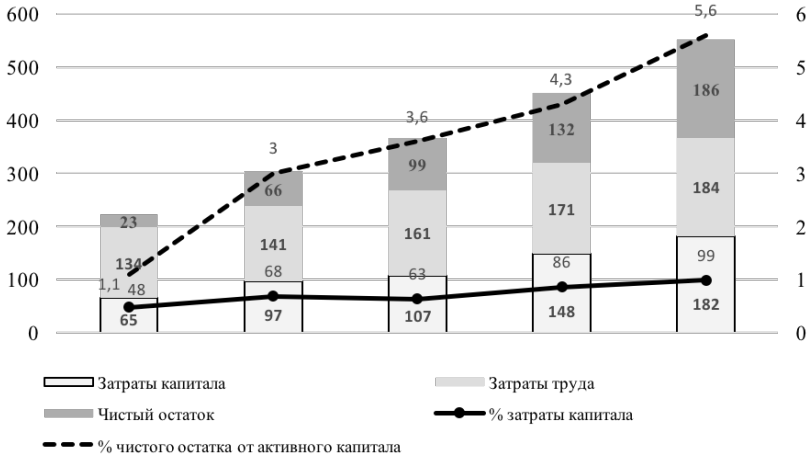

Диаграмма 2. **Группы хозяйств по степени интенсивности организации сельского хозяйства на 1 десятину в рублях (швейцарский бюджет, 1906–1915 гг.)**

стремление *при каждом новом шаге в сторону интенсификации усиливать капиталоинтенсивность быстрее трудоинтенсивности*. Это движение требует факторов, которые устанавливаются в процессе преобразования отдельных стран, участников единого мирового хозяйства, со всей современной системой рынков, индустриального и торгового капитализма и т. п. *Для благоприят-*

ного соотношения оценок основных факторов требуется в настоящее время мировая конъюнктура для продуктов сельского хозяйства, избыток капиталов и высокая расценка труда. Совокупность таких условий в теперешнем периоде мирового хозяйства есть результат высоких ступеней экономического развития. Следующий, *швейцарский* материал рисует исключительно интересный случай, когда, чем интенсивнее хозяйство, тем оно производительнее (с точки зрения производительности всех трех основных факторов), благодаря тому, что на каждой очередной ступени интенсификации доля затрат капитала становится все большей (диаграмма 2).

Капиталоинтенсификация вместе с новой техникой, обычно вносимой в хозяйство при помощи капитала, создает возрастающую производительность последовательно увеличивающихся затрат труда и капитала. Условия этого пути достаточно охарактеризованы выше.

Европа, вступив вместе с мировой войной и русской революцией в новый период своей истории, завеса которого еще недостаточно открыта для нас, стоит перед проблемой: *сможет ли она в новый период своей истории обеспечить сельскому хозяйству благоприятную рыночную конъюнктуру при высокой оценке труда и избытке капиталов*.

В зависимости от решения этого вопроса будут складываться и организация сельского хозяйства и социальные отношения в деревне, а вместе с этим определится и та роль, которую сможет играть деревня в жизни всего общества.

Действительно, мир подошел к великому распутью[3].

At the great crossroads. The comparative analysis of the evolution of agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe

This article published in the mid-1920s in the *Peasant International* was written by an outstanding Russian agrarian scientist and a prominent representative of the organization-production school Nikolai Pavlovich Makarov (1887–1980). It is quite strange that this article was not listed in the bibliographies of Makarov's works although it is absolutely important for the understanding of the evolution of world agriculture in the 20th century. Moreover, the reader will see that in the second half of the 1920s the ideas of this article were developed in the works of other representatives of the organization-production school — A.V. Chayanov, G.S. Studensky, A.A. Rybnikov. As the title and the foreword of the article show, the author seeks to provide an analytical description of the main directions of the world agrarian evolution of the 1920s and its possible alternatives on the example of four main macro-regions of world agriculture: the USA, China, Western Europe and Russia. First the author focuses on the two so-called "poles" of

3. Так как данный очерк является лишь главой целой работы, то автор не считает себя обязанным в данном очерке дать прогноз выхода Западной Европы из этого распутья.

agrarian development — the United States and China — and argues that "old" labor-intensive agrarian China and the "young" capital-intensive agrarian United States are the exact opposites of each other. It is between these poles that the paths of the agricultural evolution of most countries of the world, including Europe and Russia, are located. Makarov concludes with a preliminary diagnosis of the approaching "great agrarian crossroads" of world agriculture.

Key words: agriculture, USA, China, Western Europe, Russia, agrarian evolution, peasants, farmers.